

Евгений Блинов*

«САМЫЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ЧЕЛОВЕК В СВЕТЕ»**

ГЕРЦЕН ОБ ИСТОКАХ И СМЫСЛЕ РУССКОГО НОМАДИЗМА

Получено: 09.07.2023. Рецензировано: 15.08.2023. Принято: 22.08.2023.

Аннотация: Статья посвящена анализу работы французского историка Жюль Мишле «Демократические легенды Севера» и полемического ответа на нее русского философа и публициста Александра Герцена. Работа Мишле представляет собой политический памфлет, в котором в тенденциозной форме описывается подавление русским правительством польского восстания 1830–1831. Французский историк не ограничивается анализом геополитического расклада сил в современной ему Европе, а приходит к выводу, что Россия представляет собой своеобразную патологию на фоне процесса современного нацистроительства. Герцен в своем ответе соглашается с доводами Мишле о том, что режим Николая Первого играет реакционную роль в Европе середины девятнадцатого века, однако решительно отвергает далеко идущие выводы о моральной и культурной неполноценности русской цивилизации. Герцен описывает формирующуюся в России демократическую традицию, ставя акцент на ее социалистическом характере, который и делает ее куда радикальнее допускаемых в Европе буржуазных «полусвобод». Особое внимание он уделяет русской крестьянской общине, сохранившей «естественный коммунизм» и «дожившей до развития социализма в Европе». В заключительном разделе статьи проводятся параллели между анархическим коммунизмом Герцена и постструктуралистскими политическими теориями последней трети двадцатого века. В работах Пьера Кластра, Жюль Делёза и Феликса Гваттари, Дэвида Гребера и Эдуарда Вивей-руша де Кастру развиваются идеи о содержащемся во многих примитивных и кочевых политических сообществах потенциале сопротивления дисциплинарным техникам власти и связанным с ними этатическим формам.

Ключевые слова: Жюль Мишле, Александр Герцен, польский вопрос, анархизм, русская крестьянская община, общество против государства, номадизм, Пьер Кластр.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-15-35.

За три года до начала Крымской войны видный авторитет исторической мысли и один из отцов французского республиканизма Жюль Мишле задался вопросом о роли России в европейской политике. Вполне резонный вопрос привел его к нетривиальному ответу: «России не существует». На его вызов ответил не менее темпераментный и склонный

*Блинов Евгений Николаевич, к. филос. н., PhD, профессор кафедры истории и мировой политики, Тюменский Государственный университет (Тюмень), moderator1979@hotmail.com, e.n.blinov@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-3129-2435.

**© Блинов, Е. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

к парадоксальным выводам мыслитель и публицист, уже получивший определенную известность в европейских революционных кругах. Ответ Мишле со стороны Александра Герцена стал не только ярчайшим примером его «лирической публицистики»¹, но и важнейшим программным текстом, значение которого, как я постараюсь показать, во многом недооценивалось.

Памфлет Мишле «Польша и Россия» с подзаголовком «Легенда о Костюшко» и с приложением второй части «Мученики России» увидел свет в начале 1852 года², в более поздних переизданиях закрепится название «Демократические легенды Севера» (*Russie et Pologne: Légendes démocratiques du nord*). Впрочем, в исторической работе середины девятнадцатого века, тем более вышедшей из-под пера столь политически ангажированного автора, как Мишле, слово «легенда» не несло отрицательного смысла. Вдохновлявшая потерпевших поражение по всей Европе республиканцев злая фея революционного романтизма покровительствовала мученикам борьбы за свободу и требовала агиографий, а не холодно-отстраненных и уравновешенных историй *sine ira et studio*. Принято считать, что интерес Мишле к России, Польше и славянскому миру связан прежде всего с его знакомством и дружбой с великим польским поэтом и духовным лидером польской эмиграции Адамом Мицкевичем, который в 1840 занял кафедру славянской литературы в знаменитом Коллеж де Франс, став таким образом его коллегой (Ropert, 1994: 90). Литературные источники Мишле, по-видимому, ограничивались двумя популярными в сороковые годы и также весьма пристрастными книгами Альфреда де Кюстина «Россия в 1839» (1843) и «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» Августа фон Гакстаузена (1847); из русских работ он в основном опирался на «Историю» Карамзина, опубликованную во французском переводе в начале двадцатых годов, и ходившее в рукописи первое «Философическое письмо» Чаадаева (ibid.: 91; Cadot, 2007: 179)³.

¹По выражению Андрея Тесли (Тесля, 2021: 65).

²Как указывают исследователи, рукописный вариант первой части в переводе на польский распространялся в среде польской эмиграции во Франции, Англии и Пьемонте (Ropert, 1994: 89).

³Уже в процессе работы над «Легендами» Мишле ознакомился с «Развитием революционных идей в России» Герцена.

Историософский пессимизм Чаадаева и его радикальные обобщения понимаются им *à la lettre* и даже используется в качестве оправдания резкости суждений самого Мишле, верно заметившего:

Чтобы мы ни писали о нравственном ничтожестве России, все это звучит очень мягко по сравнению с тем, что пишут о себе сами русские (Michelet, 1898: 107).

Как и у Чаадаева, главный тезис Мишле скорее историософский или даже метафизический: ни много ни мало он собирается доказать, что России не существует:

Я говорю, я категорически утверждаю, я клянусь и докажу, что России нет! Чудовищное преступление русского правительства! Невероятное преступление, массовое убийство пятидесяти миллионов человек! Разделив Польшу, она добилась только того, что вдохнула в нее еще более могучую жизнь и на самом деле уничтожила Россию. Под его властью, его действиями она опустилась до страшного нравственного ничтожества, она пошла в направлении, противоположном всему миру, она откатилась к варварству (*ibid.*: 13).

Позиция Мишле, как мы видим, весьма радикальна: он не просто обвиняет российское правительство в совершении преступлений при подавлении польских восстаний или утверждает, что Россия не прогрессирует «со всем миром», а регрессирует до состояния варварства, он хочет доказать, что ее не существует. Что за доказательства он приводит в пользу своего нонезма? Слово «Россия», как уверен Мишле, в отличие от всех прочих европейских наций, пусть и не имеющих собственного государства, относится не к нации, а исключительно к правительству, которое является не национальным, а «немецким». И в этом смысле Россия выступает как полный антипод Польши: «Россия была правительством — неважно, с нацией или без нее, а Польша — нацией без правительства» (*ibid.*: 89). Россия — это форма без содержания, а Польша, эта «северная Франция», — содержание, форма которого насильственно искажена.

Все европейские нации имеют свои отличительные черты, а сама Европа является «единым человеком». В представлении Мишле нации бессмертны, подобно средневековым королям, а не смертны, как государства. Над русским же народом были произведены три, по его выражению, «манипуляции» (*opérations*), выбросившие его из европейской цивилизации. Во-первых, это крепостное право, которое закрепилось в семнадцатом веке, когда оно начало исчезать в Европе. Во-вторых,

в начале восемнадцатого века, когда прочие европейские нации стали ярко выделяться, Петр Первый попытался подвергнуть русский народ цивилизации — и здесь практически дословно повторяется приговор, вынесенный Руссо в «Общественном договоре»⁴. Петр Великий, которого Мишле называет «Петром-имитатором» (*Pierre le copiste*), «запретил русским быть русскими, сделав их немцами» (Michelet, 1898: 97). В-третьих, в середине девятнадцатого века крепостное право стало больше напоминать античное рабство. Эти три «манипуляции», по мнению Мишле, не просто помешали русским стать европейской нацией, но и полностью лишили их «нравственного смысла».

Возвышение России как империи означало «упадок как расы» и потерю ее «прирожденной жизненной силы». У русских, продолжает Мишле, отсутствует жизненная сила и пресловутая витальность северных народов, которую им приписывали классические теории о влиянии климата на характер нации (их можно найти у Жана Бодена или Монтескье (Bodin, 1967: 148–150; Монтескье, Матешук, 1955: 350–351))⁵. Если опираться на классические теории климата, то русские для Мишле — скорее южный народ, который вытеснили на север монголо-татарские вторжения. И здесь его рассуждения в корне противоречат классическим теориям: и Боден, и Монтескье утверждали, что, по мере того как тот или иной народ мигрирует в другой климат, его характер постепенно изменяется (Bodin, 1967: 157; Монтескье, Матешук, 1955: 360). Однако в романтической концепции Мишле европейские нации, за исключением бесформенного монстра под названием Россия, уже сформированы в основных чертах, именно поэтому «их нельзя убить».

Русским не свойственны нордическая энергия, основательность северных народов и их склонность к свободе: знаменитую выносливость русских солдат он связывает с тем, что они вырываются из привычной среды и проводят всю жизнь в походах и тренировках. Русские по своему характеру легки и подвижны, подобно южанам, но эта подвижность парадоксальным образом связана как с тяжелым климатом, так

⁴Ср.: «Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются» (Руссо, 1969: 183). В своей монографии я называю этот феномен «проклятием Руссо» (См. Блинов, 2022: 113–119).

⁵Их основные тезисы восходят еще к «Политике» Аристотеля, о классических теориях климата см. Spavín, 2018.

и с особенностью политической системы, при которой земли постоянно меняют владельца. Русские по природе своей «путешественники, бродячие торговцы, плотники и также кочевники»; они, как в знаменитом выражении Шекспира, «фальшивы, как вода». Этот флюидный и неустойчивый характер делает русских ни много ни мало невосприимчивыми к добру и злу:

Это еще не люди. Мы хотим сказать, что им не хватает важнейшего свойства человека — нравственного качества, понимания смысла добра из зла. Этот смысл и эта идея являются основой мира. Человек, который ими не наделен, все еще парит по воле случая, подобно нравственному хаосу, ожидающему творения (Michelet, 1898: 36).

Стоит отметить, что Мишле, как верно заметит в своем ответе Герцен, постоянно противоречит сам себе. Если «естественные черты» русских состоят в их постоянной подвижности, то это как раз объясняет тот факт, что правительство вынуждено привязывать их к земле «железной рукой», без которой как крестьяне, так и аристократы разбрелись бы по огромной территории. Можно было бы возразить, что в этом смысле «немецкое» правительство действует в соответствии с принципами мудрого правителя, который, как выразился когда-то Боден, учитывает «естественные предрасположенности» своих поданных, как строитель учитывает материал, из которого он возводит свое здание (Bodin, 1967: 145). Но как строить здание на столь зыбкой почве? Ведь по сравнению с русскими, патетически заключает Мишле, «песок устойчив, а вода не так обманчива» (Michelet, 1898: 41).

Мишле, хотя и не без некоторой доли безгливости, сочувствует участи русских крестьян, но при этом явно склонен, как выражается современная французская публицистика, к политическим амальгамам: он не проводит принципиального различия между крестьянами и помещиками, одинаково не привязанными к земле и презирающими законы. Русская крестьянская община, сведения о которой он подчерпнул из работы «открывшего ее» Гакстгаузена, практикует ужасавший буржуазного историка середины девятнадцатого века архаический «коммунизм» с его отторжением идеи частной собственности⁶. По этой же причине

⁶Как указывает историк левых движений Эсекьель Адамовски, тема возможной коммунистической угрозы, пришедшей из России, возникает во Франции как раз в середине девятнадцатого века и становится общим местом во французской публицистике (Adamovsky, 2004: 198–199).

в русской деревне не сложилось то, что в современной социологии называется нуклеарной семьей. И даже всем известный русский патриархат основан исключительно на насилии и не связан с уважением к традиции или авторитету. В итоге все обманывают друг друга: крестьяне обманывают помещиков, придворные обманывают царей, цари и царицы обманывают Европу: «Сверху донизу Россия обманывает и лжет: это фантазмагория, мираж, царство обмана» (Michelet, 1898: 36).

Тезис Мишле о «несуществовании» России несколько проясняется. Российская империя — это сплошная иллюзия, кюстиновское царство фасадов, где немецкое чиновничество, опираясь на «казаков», строит монструозные крепости на болотах и зыбком песке. Россия при всех ее победоносных войнах практически никак не проявила себя в том, что считалось отличительной чертой европейской нации: не создала оригинальных политических форм и не показала в себя науке или литературе. Безусловно, стоит учитывать политический и культурный контекст эпохи: Мишле писал свой памфлет примерно за два десятилетия до того, как русская литература станет сенсацией в парижских литературных салонах, и через два года после того, как Австрия подавила венгерское восстание при помощи русской армии. Впрочем, подобное сочетание «подвижности» и безразличия к добру злу с военной мощью вполне логично приводит русских к своеобразному, хотя и, с точки зрения Мишле, абсолютно ложному мессианизму.

Польше в этой диатрибе отводится роль антагониста, на фоне добродетелей которого столь контрастно проступают монструозные и нечеловеческие черты России: увлеченный своими гиперболами Мишле буквально понимает высказывание Мицкевича о том, что «у настоящих русских глаза насекомых, блестящие, но без отблеска человечности» (ibid.: 35). Можно сказать, что русские подвергаются тому, что Мишель Фуко называл энтомологизацией⁷, представляя диковинным хищным видом, образцом патологии европейской цивилизации. Неудивительно, что на фоне этой «насекемоподобной» жизни Польша не просто «не гинела», но и в некотором смысле живет всех живых в унылом славянском мире.

Елейный портрет Костюшко и умильные картины старой доброй Польши до ее раздела между Пруссией, Австрией и Россией, которые

⁷В первом томе «Истории сексуальности» Фуко пишет об энтомологизации гомосексуалистов, которые становятся своего рода биологическим видом в оптике нормализующей сексуальности девятнадцатого века (Фуко, Табачникова, 1996: 141). Русские для Мишле — что-то вроде девяти на фоне современного ему европейского национализма.

Мишле рисовал с подачи польских эмигрантов, грезивших о своем утраченном золотом веке, скорее литературный прием, чем сравнительно историческое исследование, как, впрочем, практически все в «Демократических легендах». В этой старой доброй Польше, как утверждает Мишле, практически не совершалось преступлений и «на протяжении тридцати лет если кого и судили, то только богемцев и евреев, ни одного поляка» (Michelet, 1898: 17). Еще один характерный исторический анекдот: после поражения Наполеона Александр I принял Костюшко и якобы спросил, чего он хочет, в ответ на что «Костюшко, не сказав ни слова и отыскав лежавшую на столе карту, указал на Днепр — старую границу Польши. „Ну что ж! Да будет так“» (ibid.: 82). Обещание было подкреплено клятвой Александра на кресте в присутствии придворных дам, которые «немедленно разразились слезами». В «Легендах» вообще проливают немало слез над благородством Костюшко, не исключая его злейших врагов, вроде «старого убийцы Платова».

Польша в изображении Мишле — архетипическая жертва, исполненная благородства, а Россия — карикатурный злодей в мелодраматическом вкусе середины века. Сочувствие к жертвам вообще характерно для Мишле, одним из самых знаменитых произведений которого была апология ведьм, как и гиперболизация черт антагонистов, больше похожих на персонажей романтической драмы, чем на реальные исторические лица. Однако, как уже было отмечено, «Демократические легенды» были не просто упражнением в стиле, а остроактуальным политическим текстом алармистской направленности, весьма своевременным в преддверии Крымской войны. Известный специалист по русско-французским отношениям девятнадцатого века Вера Мильчина делила всех авторов, писавших о русском вопросе, на русофобов, русофилов и реалистов (Мильчина, 2007). Мишле был русофобом в самом прямом смысле слова: польская эпопея была нужна ему для предостережения о русской угрозе, которая не сводилась к военной мощи Российской Империи, а имела все шансы на превращение в экзистенциальную угрозу коммунизма.

НЕМЕЦКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ ВЛАСТЬ
И «ШЕСТЬСОТ ТЫСЯЧ ОРГАНИЧЕСКИХ МАШИН СО ШТЫКАМИ»
ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

Впрочем, Мишле как будто был готов сменить гнев на милость и при выпуске «Демократических легенд» отдельным изданием дополнил его сочувственным описанием восстания декабристов, добавив к польскому мартирологу русских мучеников борьбы за свободу. Комплиментарно

и едва ли не восторженно отзывается он и о выпущенной по-французски брошюре Герцена «Развитие социализма в России» (1851), которую автор обсуждал с ним через неделю после личного знакомства⁸. Как ни странно, встреча убежденного русофоба Мишле и пламенного русского патриота Герцена станет «началом прекрасной дружбы» и длительной переписки, которая продлится двадцать лет — вплоть до смерти последнего (Cadot, 2007: 179; Kelly, 2016: 322–326). Мишле, по-прежнему мало осведомленный о новинках русской литературы, в своем некрологе напишет: «Умолк голос, который говорил за миллионы» (ibid.: 1). Некоторые исследователи отмечают, что общение с Герценом заставило Мишле на какое-то время изменить свое мнение о России в лучшую сторону, однако в опубликованной уже после его смерти книге «Франция перед лицом Европы» он возвращается к своим резким оценкам⁹.

Главные причины, побудившие Герцена написать ответ Мишле, изложены в преамбуле «Русского народа и социализма» (Герцен, 1954: 307):

Вы стоите слишком высоко в мнении всех мыслящих людей, каждое слово, вытекающее из вашего благородного пера, принимается европейскою демократиею с слишком полным и заслуженным доверием, чтобы в деле, касающемся самых глубоких моих убеждений, мне было возможно молчать и оставить без ответа характеристику русского народа, помещенную вами в вашей легенде о Костюшке. Этот ответ необходим и по другой причине; пора показать Европе, что, говоря о России, говорят не об отсутствующем, не о безответном, не о глухонемом.

При этом в полном достоинства ответе Герцена можно найти что угодно, кроме заискивания. С учетом резких выпадов и градуса русофобии «Демократических легенд», удивителен и спокойный тон «Русского народа»: далеко не чуждый романтического пафоса, но при этом весьма язвительный Герцен тщательно подбирает аргументы и, в отличие от Мишле, использует достаточно дипломатичные выражения. Но при всей его выдержке и риторических уступках «благородному перу» недооцененная в отечественной традиции работа Герцена представляет собой

⁸ «Развитие революционных идей в России» появилось в Париже в июне 1851. Мишель Кадо уточняет, что они познакомились 13 июня 1851 года при посредничестве бывшего министра финансов Польши Бернацкого, а уже 21 июня Герцен сообщает об обсуждении «Развития» с Мишле и том, что последний был весьма высокого мнения о его брошюре (Cadot, 2007: 180).

⁹ Адамовски справедливо возражает, что смягчение позиции Мишле можно отметить в их личной переписке, тогда как в своих опубликованных работах он вполне последователен (Adamovsky, 2004: 508).

мастерски выстроенный полемический текст, в котором порой неочевидные риторические выпады усиливаются диалектическими поворотами мысли. С моей точки зрения, это настоящий диалектический шедевр Герцена в старом, благородно-софистическом смысле слова, когда видимая уступка оппоненту и потеря выгодной тактической позиции оборачивается нанесением чувствительного удара. При этом Герцен не забывает и про конструктивную повестку, поэтому текст из полемического превращается в программный, о чем прямо говорит его название.

Как отмечает автор одной из лучших работ об эволюции взглядов Герцена Мартин Малиа, диалектика для Герцена имеет важное психологическое и историческое значение: на любую критику современного состояния России всегда можно ответить указанием на ее возможную роль в будущем, прямо связав неразвитость форм с революционным потенциалом¹⁰. Риторическая тактика Герцена лучше всего описывается фразой «Вы, конечно, правы, но...». Первый пункт его ложных уступок относится к критике «России официальной, царства-фасада, византийско-немецкого правительства». В нем Герцен смиренно начинает: «Мы соглашаемся вперед со всем, что вы скажете» (Герцен, 1954: 307). Но Мишле говорит не только и не столько о форме, сколько о содержании и «нравственном смысле» русского народа, который, в противоположность официальному фасаду, «жив, здоров и полон сил».

Второй пункт относится к европейской роли российского правительства, которое оказывается «всемирное покровительство» реакционным силам. Но в этом — не без некоторого коварства замечает Герцен — оно находит отклик в Европе, которая после революции 1848–1849 «погружена в глухой, душный мрак». В европейских столицах он не видит

ни законности, ни правды, ни даже личины свободы; везде неограниченное господство светской инквизиции; вместо законного порядка — осадное положение (там же: 309).

Если европейские правительства действуют при помощи страха «в интересах реакции», рассчитывая на «покровительство в Петербурге», то интервенции русской армии стоит рассматривать не как варварское нашествие, а как инструмент в руках европейских политиков. Работа Герцена, написанная после поражения революции и принесящая ему первую известность, «С другого берега» (1850), как и «Развитие...»,

¹⁰ «Безжалостно настаивая на вечном изменении, она переключала внимание с ненавидимого настоящего на славное будущее» (Малиа, Павлов и Узланер, 2010: 334).

полна инвектив в адрес европейских реакционеров. В последней этому обвинению дается чеканная формулировка:

И каждый раз, когда она станет упрекать русских за то, что они рабы, русские вправе будут спросить: «А вы, разве свободны»? (Герцен, 1954: 149)

Любопытен и акцент, который Герцен делает на роли «осадного положения» [état de siège] как особого правового режима: современные историки политической мысли, как, например, Джорджио Агамбен или Пьер Розанваллон (Agamben, Attel, 2005: 6–7; Rosanwallon, 2015: 107), именно в осадном положении видят форму, давшую начало современным режимам «исключительного состояния», которое на русский ошибочно принято переводить как «чрезвычайное положение»¹¹.

Возвращаясь к России, Герцен продолжает следовать своей обманчивой тактике, признавая частичную «правоту» оппонента, которая всякий раз оказывается довольно поверхностным взглядом на вещи. Точнее, лишь одним оборотом медали. Мишле отчасти прав — продолжает Герцен — в том, что русский мужик часто обманывает помещика и крадет у него. Но он обманывает и крадет у «заклятых врагов крестьянина, которых он считает за басурманов, за отступников, за полунемцев», и подобное поведение вполне оправдано тем, что народ «запутался в сети немецкой бюрократии» и не верит судам и законам, которые всегда на стороне эксплуататоров. Вы правы в том, что русский народ благоговеет перед своим Царем, но это почитание связано не с личностью Николая Первого, а с «отвлеченной идеей, мифом», в соответствии с которыми Царь ассоциируется с «земным провидением» и в воображении народа наказывает своих нерадивых слуг. Мишле прав в том, что русский народ имеет «основным началом коммунизм», но глубокий всемирно-исторический смысл этого ускользает от него, как и от всей «старой Европы». И, конечно же, Мишле прав в том, что Россия скоро скажет Европе: «Я и есть социализм», — но смысл этого пророчества я раскрою немного позднее.

В этот момент Герцен предпринимает свою решительную атаку, которая делает понятной фразу из начала статьи об истине «нарождающейся Европы», которая превращает «истину и правду старой Европы» в «неправду и ложь». Даже с учетом наступившей реакции истины старой Европы всего лишь «полусвободны», и русская правовая формула

¹¹Подробнее о нюансах перевода этого термина см. Блинов, 2017: 317.

«Царь соизволил повелеть» в некотором смысле правдивее и откровеннее лицемерных упоминаний во французском законодательстве свободы, равенства и братства. «Мы слишком угнетены, слишком несчастны, — заключает Герцен, — чтобы довольствоваться полусвободой» (Герцен, 1954: 333). Русские не могут довольствоваться «изношенной нравственностью» и «римско-варварской законностью», так как в силу своего угнетенного положения лучше видят их старческое лицемерие и ограниченность.

В этом и состоит главный аргумент Герцена, который в равной степени направлен против инвектив Мишле и радикального пессимизма Чаадаева. Во-первых, в отличие от них он явно не считает победы русского оружия от Петра до Александра странной исторической аномалией. С одной стороны, Герцен разделяет польский националистический нарратив, называя Суворова «свирепым живодером Праги»¹², а русскую армию, поддерживающую самодержавие, «шестьюстами тысячами органических машин со штыками». С другой, он не без злорадства описывает провальные кампании Карла I, Фридриха и Наполеона против России и с вызовом заявляет, что в нем «течет кровь варваров».

Во-вторых, именно беспочвенность и постоянный разрыв с традициями, который регулярно насаждается «правительством-революционером», делают русскую мысль столь радикальной. Да, русские в выражении своих верноподданических чувств коснее и тупее старой Европы. Но при этом «мыслящий русский» не связан никакими «скрупулами», традициями и ограничениями «полусвобод» (там же: 332):

Брошенный в гнетущую среду, вооруженный ясным взглядом и неподкупной логикой, русский быстро освобождается от веры и от нравов своих отцов. Мыслящий русский — самый независимый человек в свете. Что может его остановить? Уважение к прошлому? Но что служит исходной точкой новой истории России, если не отрицание народности и предания? Или, может быть, предание петербургского периода? Это предание не обязывает нас ни к чему; этот «пятый акт кровавой драмы, происходящий в публичном доме», напротив, развязывает нас окончательно. С другой стороны, прошлое западных народов служит нам научением, и только; мы нисколько не считаем себя душеприказчиками их исторических завещаний.

Идея Чаадаева об уроках, которые Россия дает миру, подвергается полной инверсии: именно молодая Россия извлекает уроки из прошлого стремительно стареющих западных народов, а не «мир» учится на

¹²Под Прагой имеется в виду пригород Варшавы, занятый русскими войсками под командованием Суворова в октябре 1794 года.

русских ошибках (что было бы странно с учетом фрагментарного знания русской истории). Россия действительно в каком-то смысле жила «внеисторической жизнью». Но это говорит о ее молодости, сохранении жизненных сил и возможности постичь подлинный смысл радикальной свободы.

Наконец, крестьянская община не просто удерживала русский народ вне общего хода истории, она «спасла русский народ от монгольского варварства и императорской цивилизации» (Герцен, 1954: 322). Прimitивный коммунизм русской крестьянской общины с его «народной нравственностью» — не просто архаика, а форма, которая делает ее предрасположенной к более совершенному общественному порядку: «Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе» (там же). Русский крестьянин во главе с радикальным революционным меньшинством «мыслящих русских» — вот «люди будущего», наравне с «работниками» во Франции. Русская община, особенно развитая у раскольников (о революционном потенциале которых не раз упоминает Герцен), делает ее устойчивой к полицейским мерам или, как сказал бы Фуко, дисциплинарным техникам власти. Достаточно вспомнить, с каким отвращением описываются в «Другом берегу» добровольные помощники полиции, порядочные буржуа, выдающие властям революционеров. Здесь Герцен не упускает случая еще раз уколоть Мишле за дегуманизацию русских: «...взгляните сами, что происходит вокруг вас... а ведь мы не говорим еще, чтобы французы перестали быть людьми» (там же: 312).

В «Русском народе» любопытны не только и не столько риторические ходы или убедительность доводов: в споре с Мишле Герцен побеждает за явным преимуществом ввиду заметной пристрастности и неосведомленности оппонента, которого он ловко ловит на противоречиях. Нас интересовали скорее ходы диалектические: за фасадом немецко-византийской власти скрываются радикально мыслящие революционеры и устойчивый к дисциплинарной власти народ. Их гипотетический союз может привести к революции во имя радикальной свободы, где не будет места буржуазным «царям-представителям», «царям-судьям», «царям-полицейским».

Главный конфликт мировой истории по Герцену, и здесь он рассуждает вполне в духе своего времени, — «противоречие между личностью и обществом». Европа, безусловно, первая поставила этот вопрос, но идеологи буржуазии середины XIX века, особенно в момент победы

реакции в Европе, не смогли найти на него ответ. В «Русском народе» Герцен пунктиром намечает возможное решение, которое может прийти не просто из свободной России будущего, но из панславистской федерации, основанной на принципах свободы. Отвергая официальный «немецко-петербургский» или религиозный «византийский» панславизм, он уверен, что именно слабая расположенность славян к централизации, которая столь ярко проявилась в воспетой Мишле польской демократической традиции, делает их в боденовском смысле куда более подходящим «строительным материалом» для нового европейского порядка. Подобное развитие событий должно привести и к прекращению вражды между русскими и поляками, «между которыми нет победителя».

ИНДЕЙЦЫ И КОЧЕВНИКИ КАК «ЛЮДИ БУДУЩЕГО»:

ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ АНАРХИЗМ О НОМАДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Может ли эта полемика о судьбах Европы со всеми ее романтическими гиперболами и библейскими проклятиями иметь какое-либо значение, кроме исторического? Или, точнее, представляет ли она интерес за пределами тех навязчивых исторических параллелей, которые могут возникнуть при изучении Герцена и особенно Мишле у современного читателя?¹³ С моей точки зрения, ключевые интуиции Герцена куда интереснее, чем может показаться на первый взгляд. Они могут обрести новый смысл, если поместить их в контекст, отличный от постгегельянства или марксизма.

Вполне очевидное сближение Герцена с анархистской традицией, которого по понятным причинам старались избегать советские комментаторы, может принести куда более интересные результаты. Идея Герцена о том, что русская община представляет интерес не как образец примитивного коммунизма, а как прообраз революционного сообщества будущего, у которого мы можем позаимствовать эффективные стратегии сопротивления, во многом напоминает современные постструктуралистские реконструкции индейских или номадических сообществ, которые можно найти у Пьера Кластра, Жюльена Делёза и Феликса Гваттари, Эдуарду Вивейруша де Кастру и Дэвида Грэбера. Грэбер в своей последней

¹³Французская исследовательница Франсуаза Том, специализирующаяся на сравнительно-исторической кремлинологии, замечает, что при чтении Мишле «мы можем заменить „Польшу“ на „Украину“, Россию Николая I — Россией Путина, чтобы восхититься феноменальной интуицией историка, которая проходит сквозь века» (Thom, 2022).

книге «Рассвет всего. Новая история человечества» (в соавторстве с археологом Дэвидом Уэнгроу), опубликованной после его безвременной кончины в 2021, на различных примерах показывает, что, перенесись мы в Канаду конца семнадцатого века, когда французские иезуиты описывали быт и нравы индейских племен, то последние показались бы современным читателям куда ближе. Иезуиты, которые слыли едва ли не главными интеллектуалами католического мира, описывали традиции гуронов, обитавших на территории современного Квебека. Гурононы жили в обществах, главной ценностью которых была индивидуальная свобода, выбирали своих лидеров, признавали равенство женщин и сексуальную свободу; в отношении всех эти предметы «подходы коренных жителей Америки, скорее всего, куда ближе читателю, чем соответствующие подходы европейцев семнадцатого века» (Graeber & Wengrow, 2021: 41).

Знаменитый бразильский этнограф-амазонист и философ Вивейруш де КаSTRU строит всю свою концепцию «каннибальской метафизики», которую он обнаруживает у амазонских племен семьи тупи-гварани, на предложенном Делёзом концепте перспективизма (Вивейруш де КаSTRU, Кралечкин, 2017: 16–31). Амазонские племена с их плюралистической онтологией, отказом от разделения людей и нечеловеческих существ, идеями межвидовой коммуникации и т. д. «дожили» до делёзо-гваттарианского перспективизма в том же смысле, что русская крестьянская община «дожила до развития социализма в Европе». «Относительный индеец» Вивейруша де КаSTRU в качестве, выражаясь словами Делёза и Гваттари, концептуального персонажа имеет схожий функционал с русским антидисциплинарным крестьянином у Герцена. Разумеется, с учетом того, что по сравнению с романтической метафизикой середины девятнадцатого века современная сравнительная антропология куда критичнее относится к собственным теоретическим проекциям¹⁴.

Но каким образом эти псевдоархаические сообщества «дожили» до кризисных моментов современной истории, которые внезапно сделали их социальные практики вновь востребованными? Очевидная мишень анархистской критики как в девятнадцатом, так в двадцать первом веке — различные концепции линейного прогресса, особенно если подобный

¹⁴Вивейруш де КаSTRU постоянно оговаривается, что перспективизм — это его философская интерпретация «индейской метафизики» и тупи-гварани не «делёзианцы» (Вивейруш де КаSTRU и Скэффи, Блинов, 2022: 90).

эволюционизм используется для апологии современного политического порядка. Но как объяснить сам факт их выживания и насколько он случаен? Ведь современные антропологи зачастую описывают в буквальном смысле вымирающие племена, представителями культуры которых являются несколько тысяч или даже несколько сот человек. Вивейруш де Кастру серьезно рассуждает о том, что в условиях надвигающейся экологической катастрофы «нам будет чему поучиться у народа, чей мир был разрушен давным-давно»; он имеет в виду «американских индейцев, мир которых закончился пять столетий назад, а их численность сократилась до пяти процентов от доколумбовой эпохи» (Вивейруш де Кастру, Блинов, 2022: 176).

Однако помимо опыта «конца света» у этих племен были некие социальные практики, которые интересны не только в качестве иллюстрации примитивных «ступеней развития общества». Кластр в своей программной работе «Общество против государства» (1974) обращает внимание на широко известный этнографам факт: рядом с государствами и империями всегда существовали общества, в которых иерархическая власть по каким-то причинам не сформировалась. Они не были бесконтактными, активно взаимодействовали, воевали и производили обмен с этатическими обществами, а также были прекрасно осведомлены о преимуществах, которые давала иерархическая организация. Кластр утверждает, что это были сложноорганизованные общества, делавшие сознательный выбор в пользу эгалитарного устройства, более того, они изобрели различные механизмы, препятствовавшие укреплению власти вождей и шаманов, которые рано или поздно превращались в королей и священников. Он назвал подобную формацию «обществом против государства», где отношения власти перевернуты, так как

вождь находится на службе общества, и само общество — настоящее место власти, которое осуществляет как таковое свою власть над вождем (Clastres, 1974: 176).

Общества против государства систематически выпалывали любые ростки государственности, предпочитая им свободу, равенство и отсутствие экономической эксплуатации. При этом Кластр настаивает на том, что подобная формация не была «примитивным коммунизмом», так как формирование государства нельзя объяснить развитием экономической кооперации: так называемые примитивные общества были первыми «обществами изобилия».

Делёз и Гваттари в «Тысяче плато» (1980) соглашаются с основными тезисами Кластра о наличии в ряде примитивных обществ особых механизмов, препятствующих процессу формирования государства. Однако они указывают, что теория Кластра не помогает объяснить появление государства, которое возникает внезапно, подобно Афине из головы Зевса, и не вносит ясности в вопрос о том, почему государство в итоге одержало победу. Если, конечно, не принимать всерьез тезис Ля Боэси о добровольном рабстве как о некоем труднообъяснимом коллективном безумии. К тому же, модель общества против государства можно обнаружить не только в «диких», но и в «варварских» обществах кочевников, которые, по мнению авторов «Тысячи плато», куда более репрезентативны с этой точки зрения. Общественная организация воинственных кочевых племен построена вокруг «боевых машин»: под этим термином они подразумевают одновременно повозки кочевников, которые они используют в бою, и всю социальную и политическую организацию, выстроенную вокруг их военной тактики. Боевая машина кочевников по определению направлена против институтов государства, которые связаны с оседлым образом жизни и его иерархическими институтами. И, что самое важное для Делёза и Гваттари, противопоставление государства и военных формаций кочевников соответствуют двум типам пространства: «изборожденному» пространству оседлых народов с их сельскохозяйственными угодьями и городами и «гладкому» пространству кочевников с их пастбищами и временными стоянками. Классическая война кочевников против оседлых народов подразумевает уничтожение ирригационных систем и превращение местности в пустыню в буквальном смысле слова — то есть сглаживание проложенных государством «борозд» и «разглаживание» пространства, в котором стремительная кавалерия кочевников получает критические преимущества. Разумеется, сложные государственные системы имперского типа вступают в различные взаимодействия с кочевниками, различными способами ассимилируют их боевые машины, встраивают их в государственный аппарат и т. д. В нашем контексте важно наличие параллельных механизмов социального порядка: номоса и логоса, оседлого и кочевого, различных типов военной организации, вокруг которых выстраиваются все прочие политические институты. Делёз и Гваттари предлагают сложнейшую семитическую, метафизическую и политическую игру-противостояние между государственными институтами и воинами-кочевниками, которая во многом напоминает конфликт

между «русской крестьянской общиной» и привнесенной извне и навязанной сверху «немецкой государственностью». Хотя Делёз и Гваттари делают акцент на воинственности кочевников, а Герцен говорит скорее о пассивном сопротивлении, принципиально именно противопоставление этатических и антиэтатических элементов, в одинаковой степени систематических, но следующих различной логике. У делёзо-гваттарианских кочевников «не было истории», а была только география, русский народ по Герцену также вел «внеисторическое существование», ведь ему только предстояло удивить мир.

В каком-то смысле русская крестьянская община в описании Герцена была тем самым «обществом против государства»: Гакстгаузен, как он полагает, ошибся, посчитав, что «староста деспотически управляет общиной», хотя он куда больше напоминает безвластных вождей Кластра, чем главу клана. Речь идет не о низшем звене в иерархии, а именно об альтернативном социальном порядке, основанном на согласии. Петровские преобразования не изменили русского крестьянина, как проповеди католических миссионеров не изменили бразильских индейцев: «Сельская Россия, всему внешне подчиняясь, на самом деле ничего не приняла из преобразований Петра I» (Герцен, 1954: 263). Именно тот факт, что русские крестьяне были лишены земли, а русская аристократия — европейских традиций и «скрупул», делает их детерриториализованными в делёзо-гваттарианском смысле слова и тем самым наделяет их мощным созидательным потенциалом.

И у Делёза, Гваттари и у Вивейруша де Кастру речь шла скорее о концептуальных персонажах, чем о реальных кочевниках, что, впрочем, не делает позаимствованные у них стратегии сопротивления менее действенными. Романтические мыслители середины девятнадцатого века, разумеется, куда больше верили в свои историософские схемы, чем, если можно так выразиться, анархистствующие постструктуралисты. Что, впрочем, не делает создаваемых ими концептуальных персонажей, будь то благородный Костюшко у Мишле или герценовский русский мужик, мастерски владеющий своим топором, менее значимыми действующими лицами исторической драмы. В представлении Герцена история «развивается зигзагами», и, кто окажется на «ее правильной стороне», предсказать невозможно, ведь «природа никогда не кладет весь свой капитал на одну карту» (там же: 318).

ИСТОЧНИКИ

- Герцен А. И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 7. — М. : Издательство АН СССР, 1954.
- Монтескье Ш. де. Избранные произведения / пер. с фр. TRANSLATOR. — М. : Главное издательство политической литературы, 1955.
- Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М. : Наука, 1969.
- Bodin J. Six Books of the Commonwealth / trans. from the French by M. J. Tooley. — Oxford : Blackwell, 1967.
- Michelet J. Œuvres complètes. En 100000 t. Т. 38. Légendes démocratiques du Nord. Sorcière. — Paris : Flammarion, 1898.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинов Е. Исчезающее тело короля : происхождение тюрьмы, уголовного права и государства // Социологическое обозрение. — 2017. — Т. 15, № 1. — С. 156—160.
- Блинов Е. Пером и штыком : введение в революционную политику языка. — Издательство Высшей школы экономики : М., 2022.
- Viveйруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии / пер. с фр. Д. Ю. Краlechкина. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Viveйруш де Кастру Э. Кто боится онтологического волка? / пер. с англ. Е. Блинова // Логос. — 2022. — Т. 32, № 2. — С. 167—192.
- Viveйруш де Кастру Э., Скэффиш П. Метафизика людей экстрамодерна. О деколонизации мысли / пер. с англ. Е. Блинова // Логос. — 2022. — Т. 32, № 2. — С. 65—96.
- Малия М. Александр Герцен и рождение русского социализма / пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера. — Территория будущего : М., 2010.
- Мильчина В. Русофилы, русофобы и «реалисты» : Россия в восприятии французов // Отечественные записки. — 2007. — Т. 38, № 5. — С. 29—39.
- Тесля А. А. Революционная версия русского национального исторического нарратива : «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцена // Социология власти. — 2021. — Т. 33, № 2. — С. 59—79.
- Фуко М. История сексуальности, Том 1 : воля к истине / пер. с фр. С. Табачниковой. — М. : Касталь, 1996.
- Adamovsky E. Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century. Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, c. 1840–1880 // Cahiers du monde russe. — 2004. — Vol. 45, no. 3/4. — P. 497–520.
- Agamben G. State of Exception / trans. from the French by K. Attel. — Chicago : The University of Chicago Press, 2005.
- Cadot M. Herzen et Michelet // Revue des études slaves. — 2007. — Vol. 78, no. 2/3. — P. 177–185.
- Clastres P. La société contre l'État. — Paris : Minit, 1974.

- Graeber D., Wengrow D.* The Dawn of Everything : A New History of Humanity. — New York : Farrar, Straus & Giroux, 2021.
- Kelly M. A.* The Discovery of Chance. The Life and Thought of Alexander Herzen. — Cambridge : Harvard University Press, 2016.
- Robert A.* Michelet et la Russie. Pologne et Russie : un texte de 1851 // Revue Russe. — 1994. — N° 6. — P. 89-96.
- Rosanwallon P.* Le bon Gouvernement. — Paris : Seuil, 2015.
- Spavin R.* Les Climats du pouvoir rhétorique et politique chez Bodin, Montesquieu et Rousseau. — Oxford : Voltaire Foundation, 2018.
- Thom F.* The Intuitions of Jules Michelet / Desk Russie. — 2022. — URL: <https://en.desk-russie.eu/2022/04/05/the-intuitions-of-jules-michelet.html> (visited on Sept. 19, 2022).

Blinov, Ye. N. 2023. “‘Samyy nezavisimyy chelovek v svete’ [‘The Most Independent Person in the Whole World’]: Gertsen ob istokakh i smysle russkogo nomadizma [Herzen about the Origin and Sense of Russian Nomadism]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 15–35.

YEVGENIY BLINOV

PHD IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

DEPARTMENT OF HISTORY AND WORLD POLITICS, TYUMEN STATE UNIVERSITY (TYUMEN, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-3129-2435

“THE MOST INDEPENDENT PERSON IN THE WHOLE WORLD” HERZEN ABOUT THE ORIGIN AND SENSE OF RUSSIAN NOMADISM

Submitted: July 09, 2023. Reviewed: Aug. 15, 2023. Accepted: Aug. 22, 2023.

Abstract: The article is focused on the analysis of work of French historian Jules Michelet intitled Democratic Legends of the North and the polemical answer given by Russian philosopher and essayist Alexander Herzen. Michelet’s work is political pamphlet describing in biased way the repression of Polish uprising of 1830–31 by the Russian government. His analysis is not limited by the scrutiny of the geopolitical rapport des forces in XIX century Europe but tends to represent Russia as some sort of pathology in comparison to the process of nation-building. Although in his response Herzen acknowledges the reactionary role of Nikolai I political regime in Europe, he fiercely rejects the idea of moral and cultural backwardness of Russian civilization. He presents the eminently forming democratic tradition in Russia focusing on its radical and socialist character that could potentially make it far superior in comparison to the bourgeois “half-freedoms” officially allowed Europe. Herzen makes a particular emphasis on Russian rural community that maintains its “natural communist” tendencies and thus “survived till the formation of socialism in Europe”. In the last part of the article the parallels between Herzen’s anarchist communism and some poststructuralist political theories are established. In the work of Pierre Clastres, Gilles Deleuze and Felix Guattari, David Graeber and Eduardo Viveiros de Castro one may found the ideas about the potential of

resistance to the disciplinary techniques of power and related state forms contained in many primitive and nomadic societies.

Keywords: Jules Michelet, Alexander Herzen, Polish Question, Anarchism, Russian Rural Community, Society Against the State, Nomadism, Pierre Clastres.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-15-35.

REFERENCES

- Adamovsky, E. 2004. "Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century. Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, c. 1840–1880." *Cahiers du monde russe* 45 (3–4): 497–520.
- Agamben, G. 2005. *State of Exception [Stato di eccezione]*. Trans. from the French by K. Attel. Chicago: The University of Chicago Press.
- Blinov, Ye. 2017. "Ischezayushcheye telo korolya [King's Vanishing Body]: proiskhozhdeniye tyur'my, ugovnogo prava i gosudarstva [The Origins of Prison, Criminal Law and State]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 15 (1): 156–160.
- . 2022. *Perom i shtykom [Pen and Bayonet]: vvedeniye v revolyutsionnyuyu politiku yazyka [An Introduction to the Revolutionary Politics of Language]* [in Russian]. Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki: M.
- Bodin, J. 1967. *Six Books of the Commonwealth [Les six livres de la République]*. Trans. from the French by M. J. Tooley. Oxford: Blackwell.
- Cadot, M. 2007. "Herzen et Michelet." *Revue des études slaves* 78 (2–3): 177–185.
- Clastres, P. 1974. *La société contre État* [in French]. Paris: Minuit.
- Foucault, M. 1996. *Istoriya seksual'nosti, Tom 1 [Histoire de la Sexualité]: volya k istine* [in Russian]. Trans. from the French by S. Tabachnikova. Moskva [Moscow]: Kastal'.
- Gertsen, A. I. 1954. [in Russian]. Vol. 7 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Graeber, D., and D. Wengrow. 2021. *The Dawn of Everything: A New History of Humanity*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Kelly, M. A. 2016. *The Discovery of Chance. The Life and Thought of Alexander Herzen*. Cambridge: Harvard University Press.
- Malia, M. 2010. *Aleksandr Gertsen i rozhdeniye russkogo sotsializma [Alexander Herzen and Birth of Russian Socialism]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Pavlov and D. Uzlaner. Territoriya budushchego: M.
- Michelet, J. 1898. *Légendes démocratiques du Nord. Sorcière* [in French]. Vol. 38 of *Œuvres complètes*. 100000 vols. Paris: Flammarion.
- Mil'china, V. 2007. "Rusofily, rusofoby i 'realisty' [Russophiles, Russophobes and 'Realists']": Rossiya v vospriyatii frantsuzov [Russia in the Perception of the French]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski [Fatherland Notes]* 38 (5): 29–39.
- Montesk'ye, Sh. de. 1955. *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]* [in Russian]. Trans. from the French by TRANSLATOR. Moskva [Moscow]: Glavnoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Roport, A. 1994. "Michelet et la Russie. Pologne et Russie: un texte de 1851" [in French]. *Revue Russe*, no. 6, 89–96.
- Rosanwallon, P. 2015. *Le bon Gouvernement* [in French]. Paris: Seuil.
- Russo, Zh.-Zh. 1969. *Traktaty* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Spavin, R. 2018. *Les Climats du pouvoir rhétorique et politique chez Bodin, Montesquieu et Rousseau* [in French]. Oxford: Voltaire Foundation.

- Teslya, A. A. 2021. "Revolutsionnaya versiya russkogo natsional'nogo istoricheskogo narrativa [A Revolutionary Version of the Russian National Historical Narrative]: 'O razvitii revolyutsionnykh idey v Rossii' A. I. Gertsena ['On the Development of Revolutionary Ideas in Russia' by A. I. Herzen]" [in Russian]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]* 33 (2): 59–79.
- Thom, F. 2022. "The Intuitions of Jules Michelet." Desk Russie. Accessed Sept. 19, 2022. <https://en.desk-russie.eu/2022/04/05/the-intuitions-of-jules-michelet.html>.
- Viveiros de Castro, E. 2017. *Kannibal'skiye metafiziki: rubezhi post-strukturnoy antropologii [Metaphysiques cannibals. Lignes d'anthropologie post-structurale]* [in Russian]. Trans. from the French by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem Press.
- . 2022. "Kto boit-sya ontologicheskogo volka? [Who Is Afraid of the Ontological Wolf?]" [in Russian], trans. from the English by Ye. Blinov. *Logos* 32 (2): 167–192.
- Viveiros de Castro, E., and P. Skaifish. 2022. "Metafizika lyudey ekstramoderna. O dekolonizatsii mysli [The Metaphysics of Extra-Moderns]" [in Russian], trans. from the English by Ye. Blinov. *Logos* 32 (2): 65–96.